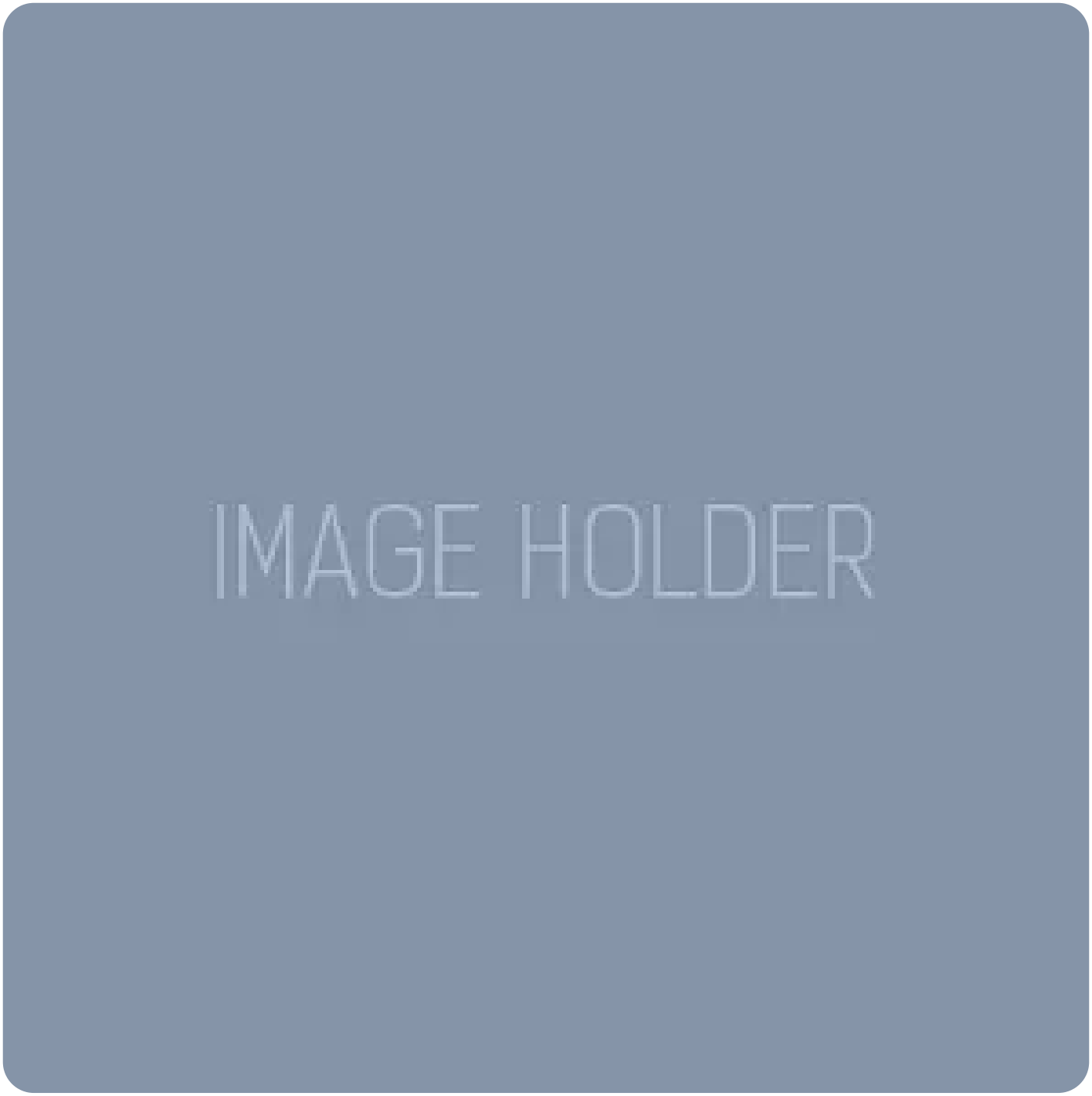

ЭВТАНАЗИЯ

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Олег Голобоков

Ссылка на публикацию

Глаза открывать просто не хотелось. В теле была необыкновенная лёгкость. Скорее даже не лёгкость, а чувство, что ты — это мысль. А мысли существуют и без тела.

Невероятное ощущение: ты паришь, и воздушные потоки удерживают тебя в равновесии, где нет верха и низа, права и лева. Нет ничего, что можно назвать «окружающее пространство». Но это не парение невесомости с головокружением и тошнотой. Это парение, которое становится твоей сутью. Нет ничего — только ты, твои мысли и полёт.

Он лежал с закрытыми глазами и вкушал сладость необыкновенного состояния. Где-то в отдалении бубнили голоса. Но они не раздражали. Это «бу-бу-бу» было естественным, даже необходимым фоном. Самое любопытное, что в данный момент в мире существовали только «бу-бу-бу» и парение. Не было времени, не было запахов, не было комфорта или дискомфорта.

Мысли ленились возвращаться в повседневное русло. Им нравилось вот так — ни о чём. Парение, лёгкость, бу-бу-бу – и всё.

— Никуда не годится, — продумал он. — Наверное, надо открыть глаза и что-то сделать. Так можно проваляться и всю жизнь. Всю жизнь… Забавно, а сколько это? Кто знает, сколько у тебя впереди этой «всей жизни»? Десяток лет? Год? Месяцы, дни, часы, минуты? Но в любом случае «вся жизнь» — это ровно столько, сколько кто-то прожил. Не больше, не меньше.

Он мысленно улыбнулся. Так, краешком губ.

Блаженное состояние располагало пофилософствовать. Глаза открывать не хотелось, и он решил развлечь себя воспоминаниями. Не такими, чтобы давно, а так… пара-тройка дней.

— Начнём со вчера, — медленно и с удовольствием подумал он. — Вчера. Знатно посидели. Было уютно, вкусно и креативно. Всего было в меру: похвал, серьёзностей и пожеланий. Вообще-то редко так бывает, чтобы всё вдруг сложилось к одной дате. Завершение проекта — очень удачное и своевременное. Повышение. При этом повышение практически со всеобщим «одобрямс». А что это значит? А это значит, что подводных и надводных камней будет гораздо меньше, чем могло бы быть. И грядущий день рождения. Как там кто-то сказал: «Возраст Христа».

Возраст Христа. Любопытно, возраст Христа — это дата или состояние?

Тебе скоро тридцать три. Это на поверхности. Что ещё? Ты добрался до Иерусалима. Вроде нет… до своего «Иерусалима» ты добрался лет эдак десять назад, когда бросил насиженное, как казалось, место и ринулся в столицу. Может, у тебя двенадцать близких друзей, один из которых тебе вообще-то не друг и предаст тебя в самую неподходящую минуту? Вроде нет, друзей

побольше. Да и с врагами как-то по-другому.

Тайная вечеря? Ну, скорее всего, это была не вечеря, а обед. Да и совсем не тайная.

Что ещё? Распятие. Точнее, не распятие как казнь, а Распятие как символ завершения Земного пути. В тридцать три года Христос сделал всё, что мог и должен был сделать на Земле. Вот и я – завершил проект, сделал карьеру… Тьфу, какая-то ненормальная аналогия… И шарахнет такое в голову…

Чтобы как-то уйти от странной мысли, он стал прислушиваться к «бу-бу-бу». Вначале слова представляли из себя какие-то неопределённые звуки, затем стали проявляться отдельные смыслы. Затем слова стали сливаться во фразы. Фразы — в понятия. И только спустя пару минут слившиеся воедино фразы стали приобретать не совсем понятный смысл.

— … не повезло. Или повезло … — произнёс мужской голос.

Интонации до ужаса напоминали голос киношного врача, разговаривающего с безнадёжно больным. Когда с одной стороны неизлечимого больного жалко, а с другой – уже никуда не деться, и скорее бы он отмучился.

— Понимаете, Шурочка. Тут с какой стороны посмотреть. Конечно, уйти в таком возрасте в мир Иной – больше, чем неприятность. С другой – он как будто предчувствовал. Вот уже месяц в коме …

В этот момент голоса куда-то отдалились и превратились в сплошное «бу-бу-бу-бу». Перед глазами всё поплыло — если конечно так можно выразиться, когда лежишь с закрытыми глазами. Сердце забухало, словно двигатель, уходящий в разнос. Звон в ушах перекрыл бубнёж, рокот какого-то индустриального шума нарастал. Невесть откуда взявшийся язык разбух, занял весь рот, стал перекрывать горло, душить…

Руки… Рук он не почувствовал. Он не чувствовал ног, он не чувствовал себя вообще. Он даже не понимал: лежит он или сидит. А может, падает?

Парение неожиданно переросло в висение в пространстве, в котором нет верха, нет низа, нет вчера и завтра. Нет ничего, кроме «бу-бу-бу» и молота там, где когда-то было сердце.

Бу-бу-бу. Бах-бах-бах.

Стало страшно, и он решил крикнуть. Но попытка крикнуть или хотя бы прошептать почему-то привела не к спазму, а к чему-то ужасному.

Паника.

Паника начинается потихоньку. Исподволь. Где-то глубоко-глубоко появляется сомнение, сомнение перерастает в беспокойство. Беспокойство — в страх. А из страха вырастает ужас. Ужас всё поглощающий, цепенящий, сжирающий все мысли и оставляющий только одно: ожидание нечеловеческой боли. Такой боли, которая затмевает собой всё и навсегда.

Он вдруг понял, что не знает, как это – шепнуть, сказать или крикнуть. Он вдруг забыл, *чем* он может сказать. Он никак не мог представить себе, как слова превратить в звуки.

Глаза. Почему глаза закрыты? Надо их открыть. Надо. Но страшно. А если по чуть-чуть? А что это даст? Может, сразу? А если сразу и вдруг… а вдруг это правда…

Он боялся признаться в том, что это может оказаться правдой. Он пытался бесславно и бессмысленно найти этому какой-нибудь более-менее приличный термин и не находил. Оказывается, страшно не сказать правду, а подумать правду. Особенно если это касается тебя. Сказать правду, если эта правда — последнее, что ты узнаешь в этом мире.

Нет, пока не это. Пока это рано. Я слышу и думаю. Значит, что-то происходит. Просто происходит не так.

— бу-бу-бу … Шурочка, что значит «вся жизнь»? … Чем «вся жизнь» человека отличается от «вся жизнь» бабочки-однодневки или медузы Turritopsis nutricula? Ведь это событие описывается одним словом – жизнь и является частью глобального процесса рождение-жизнь-смерть. … бу-бу-бу … Христа. Прелюбопытная теория – просто закончился смысл нахождения на Земле. У каждого свои тридцать три года. Кто-то доживает до них к двадцати, кто-то, в среднем, к семидесяти, кто-то к ста. Имеется в виду, что человек рождён для чего-то и зачем-то. И как только это происходит, его Земной путь заканчивается … бу-бу-бу. … «Наше всё» … бу-бу-бу … Пушкин. Вы можете представить, что он дожил до ста лет? И что бы он написал? … «Я вас любил»… это для тридцати. В семьдесят – это совсем другой смысл … бу-бу-бу …

— Господи, что происходит?

— Надо открыть глаза. Сразу. Вдруг. Как в холодную воду, тогда на плюсе, на спор.

Усилие и! Свет! Свет?

Говорили, что когда умираешь, то движешься по туннелю … Враньё. Нет никакого тоннеля. Ты просто висишь непонятно где, непонятно как, не понятно, двигаешься или нет, и вокруг – белый мрак. Мрак настолько белый, что просто находится за пределами понимания. И это не свет, это просто белое, неподдающееся описанию состояние. И это состояние повсюду. Даже если попытаться посмотреть вбок … Хотя в какой бок. Просто белое … Ни искорки, ни просвета, ни тени. Пелена …

— бу-бу-бу … некоторые чувствуют … Тридцать три ещё впереди …

— я как-то общался с человеком, который вышел из комы. Он и пробыл то в ней несколько дней. Так вот, главное, что я вынес из его рассказа, так это то, что в коме нет времени, и, что в коме он всё слышал, но сказать, не подать знак – не мог. Он так и сказал: кошмар всего происходящего состоит в том, что ты всё слышишь, понимаешь, но всё проходит мимо тебя. Понимаешь – и ничего не чувствуешь, физически. И не можешь сказать …

— послушайте, Шурочка, а давайте я вам прочитаю его завещание? Нет, что вы, конечно не вам. Я буду читать ему, просто типа уточнить, а вдруг он слышит. А вы просто окажетесь рядом …

— Странно, говорит один и вечно обращается к какой-то Шурочке … и кто она? Медсестра? Или нянечка? Или сиделка? А какая она? Молодая, старая … Цвет волос … Что за бред лезет в голову … Какая разница …. Надо подать знак … Как? Кома, я не могу двигаться, я не могу говорить …

Но я, наверное, как-то подключен к приборам. И что там, на них? Ритмы сердца, пульс, дыхание … Идея! Надежда умирает последней! Надо разогнать сердце … как? А! Придумал! Надо представить, что я иду в гору … дышать трудно, не хватает кислорода. Это как мы пёрлись на Монблан со своей водкой, как будто там её нет. Сердце выпрыгивает, перед глазами круги, рот жадно хватает разряжённый воздух … Выбросить, но нет … Там на вершине стакан водки, нашей, родной …

Ему показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди, настолько свежи были воспоминания. Перед глазами поплыли круги, молот в груди перешёл на бешеный ритм, грохот заполнил всё существо, и только край сознания каким-то образом вслушивался в «за пределы себя» … Ещё усилие ….

— бу-бу-бу … Шурочка, вы что, телефон с собой пронесли? Какой ужас! Здесь же полно чувствительной аппаратуры. Она же начнёт сбоить, и мы пропустим что-нибудь важное. Вон видите, даже какой-то всплеск был. Немедленно выключите. Вот так-то …

Удары молота в груди стали ослабевать, ритм падать. Просто бум-бум-бум.

— Господи, второй раз так не получится. Все усилия даром из-за какой-то дуры. Господи!

— Господи … Я что, уверовал? Почему-то во всех книгах пишут, что в минуту смертельной опасности человек начинает верить в Бога. Нет, не так, как всегда: Пасха, Рождество, пост … А искренне, до слёз, до самозабвения … а я в суе … Или уверовал? Это хорошо или плохо? Или так надо? Или так должно быть?

А ещё пишут, что перед смертью вся жизнь перед глазами. А у меня нет. Может, толком и вспомнить нечего? Процесс не может быть целью. А я всю сознательную жизнь лез наверх, понятия не имея, где он для меня, этот верх. И зачем он мне. Просто лез. А может, я и не умираю. Может, «жизнь перед глазами» признак умирания? Хотя откуда это знать тем, кто пишет? Они ведь не умерли…

— бу-бу-бу …в ясном уме и памяти. Без давления - бу-бу-бу …ага, вот оно. Если я пробуду в коме один месяц, то прошу вас провести для меня процедуру эвтаназии - бу-бу-бу …желание - бу-бу-бу …вкус коньяка - бу-бу-бу …

— Господи! Какая глупость! Какой коньяк, если я в коме? Внутривенно что ли? Или по принципу – всё равно помирать, так хоть от коньяка … Когда я это писал? Не помню, даже близко не помню … Помню шумная вечеринка, все радуются, поздравляют и … как будто выключили свет. Нет, мимолётом помню белый халат. Это до или после …? Не помню, наверное, после, это когда ещё не совсем кома. А потом не помню …

— бу-бу-бу …Вот сегодня и прошёл тридцать один день. Хорошо хоть не февраль. А то бы мучились, что значит «месяц». А так, нормальный календарный месяц. Первого, значит, впал, тридцать первого, значит, выпал. Родные и близкие прибыли? Их не оповещали? Ах да, это так по завещанию. Я-то уж и забыл.

Бульканье. Такое тихое-тихое. Неправильное. Коньяк надо разливать без бульканья. И запах … Он даже вдруг почувствовал запах. Слегка горьковатый. Он живо представил себе, как золотистая жидкость, играя искрами, вливается в бокал … Настоящий коньяк, не метакса какая.

Вот бульканье прекратилось. Наступила тишина. Тишина плотная-плотная. Тихая-тихая. Липкая-липкая.

И только где-то фоном тиканье и шепоток, невесть откуда взявшийся …

— десять, девять …

Обратный отсчёт. Как перед стартом. Как перед взрывом породы в карьере, который в одно мгновенье превратит склон, поросший хилыми деревцами и багульником, в груду щебня …

Он представил, как к капельнице приближается шприц. Сам по себе, без чьей-либо помощи. Шприц, внутри которого жидкость цвета белой мглы …

— восемь, семь …

Уже не шёпот, уже в голос.

Шприц, в котором уже почему-то переливается золотистая жидкость цвета коньяка, но не того золотого напитка, а цвета бесконечной боли, прокалывает мембрану ….

— шесть, пять …

Отсчёт перешёл на крик. Крик мгновений, который заглушит любой звук не желающего умирать тела … Поршень в старинном шприце начинает потихоньку двигаться, и страшная жидкость медленно перемещается в иглу, которая …

— четыре, три …

Теперь звук уже лавина, грохот, как тогда на Кавказе. Грохот, уносящий всё: камни, снег, деревья, жизни. Грохот, который заполняет всё и всех вокруг … Жидкость струёй устремляется в капельницу …

— два, один …

Глаза от напряжения запомнить последнее мгновение белизны — как будто эта белизна и была «вся жизнь» — казалось, заполнили собой всё лицо. Жидкость уже в капельнице, уже в трубке, вот она устремляется к сердцу ….

— АААААААААААААААААААА!!!!!!!!!!!!

— Вспышка яркого, до боли знакомого солнечного света!

— Розыгрыш!!!!!!!!!

Огромное зеркало на потолке отразило заливающихся хохотом друзей, склонившихся над ним. Его самого, распростёртого на водяном матрасе с пристёгнутыми руками и ногами, и человека в белом халате с полным бокалом коньяка.

А может, я уже умер? Может, смерть именно так?

Было глупо и безразлично. И почему-то абсолютно не хотелось коньяка. И было абсолютно безразлично: это ещё до или уже после …

***